

Материалы к биографиям ученых и инженеров

Ю. Я. СОЛОВЬЕВ

«ДАТУ СМЕРТИ ЗНАЕТ ТОЛЬКО МВД...»

Дмитрий Иванович Мушкетов (1882–1938)

В России, наряду с розысками без вести пропавших после второй мировой войны, продолжается поиск граждан, безвинно осужденных и исчезнувших в период 30–60-х гг. В числе таких людей есть выдающиеся геологи, которые стали жертвами массовых репрессий в СССР. Среди них был Дмитрий Иванович Мушкетов, погибший в конце 30-х гг. Этот факт стал известен в 1962 г. Комиссии по геологической изученности СССР (КОГИ) после ее официального запроса, так как никого из членов семьи Дмитрия Ивановича на родине нет в живых.

Соловьев Ю. Я.

Д. И. Мушкетов

Фотография сделана в 1926 г.

для заграничного паспорта. Публикуется впервые

Геологи, лично знавшие Д. И. Мушкетова, не имели достоверных сведений о последних годах его жизни. Это явствует из устных и письменных сообщений его учеников и коллег, часть которых в разное время была репрессирована. К сожалению, многих из них сейчас уже нет в живых. Однако сохранились письма, и остались стенографические записи их бесед с автором данной статьи. Кроме этих сведений, в отделе истории геологии Государственного геологического музея им. В. И. Вернадского имеются: заверенные копии документов, хранящихся в архиве Ленинградского горного института; воспоминания профессора О. С. Вялова (академика АН УССР с 1948 г.); выписки из архива И. В. и Д. И. Мушкетовых, находящегося в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (фонд 503).

Многих советских геологов, заклеенных печатью «враг народа», ссылали в широко разветвленную по стране сеть пунктов ГУЛАГа; о Д. И. Мушкетове и его семье долгое время ходила молва, строились всевозможные предположения.

Дмитрий Васильевич Наливкин в письме от 21 марта 1962 г. сообщил:

Насчет Д. И. Мушкетова никаких дат я не знаю. Дату его смерти знает только МВД, управление лагерями, если оно есть... Он был арестован летом или в начале осени 1937 г. и, наверно, скоро после осуждения умер в лагерях, на лесозаготовках, как я предполагаю, но точно не знаю... Когда его арестовали, здоровье его уже было плохое и вряд ли он долго выдержал. Никаких членов его семьи не осталось.

Соломон Давыдович Цирель-Спринцсон написал 1 апреля 1962 г. о Д. И. Мушкетове следующее:

Будучи арестован в 1937 г. (?), он был сослан в СВИТЛ (Северо-восточные исправительно-трудовые лагеря) на Колыму. Он не доехал до Колымы и в том же году умер на пересыльном пункте во Владивостоке (кажется, на Второй речке — так называется местность возле Владивостока, где в то время был расположен пересыльный пункт). По сведениям, тогда же была выслана его жена в какой-то отдаленный пункт Казахстана. Там она работала санитаркой, бедствовала, там и умерла. Жена погибшего на Колыме Анатолия Капитоновича Болдырева, Анна Михайловна, ныне тоже покойная, рассказывала в свое время, что она видела, как из квартиры Д. И. Мушкетова после его ареста вытаскивали его вещи, мебель, книги.

Василий Иванович Яворский 4 апреля 1962 г. писал:

Д. И. Мушкетов был сослан, не совершив никакого преступления. Как говорят, находился в очень тяжелых условиях на тяжелой физической работе. Говорят, что умер от паралича сердца в шахте в момент, когда ему сообщили о реабилитации. Такой погиб умный и талантливый человек, как и тысячи других, но ведь об этом сообщить нельзя. Был он сослан в Восточную Сибирь.

В письме Василия Петровича Нехорошева от 9 апреля 1962 г. имеется такая фраза о Д. И. Мушкетове:

После его ареста летом 1937 г. (перед началом XVII сессии Международного геологического конгресса) сведений о его дальнейшей судьбе нет, известно лишь, что он прожил недолго. По одним слухам, он скончался вскоре после того, как его привезли на Колыму, по другим, — даже до Колымы не доехал. Может быть, об этом более достоверно знает что-либо Юрий Михайлович Шейнманн, который в те же годы вынужденно был на Колыме.

Дополнительная, более поздняя устная информация подтвердила противоречивость письменных высказываний о последнем этапе жизни Д. И. Мушкетова. Ее получил автор во второй половине 60-х гг. при опросе некоторых крупнейших советских геологов и руководителей Геологической службы СССР. Юрий Михайлович Шейнманн сказал в 1966 г.: «Слышал о том, что Дмитрий Иванович Мушкетов будто бы был на Верхней Колыме на земляных работах, но лично с ним я не встречался и ничего конкретного сообщить не могу». В 1967 г. Евгений Трофимович Шаталов уведомил о том, что «о пребывании Д. И. Мушкетова на Колыме ничего не слыхал». Возглавлявший с 1938 г. геолого-разведочную службу Дальстроя Валентин Александрович Цареградский рассказывал в 1967 г., как до него дошли слухи о прибытии туда Д. И. Мушкетова. Он предпринял специальные розыски, которые не дали желаемых результатов, поэтому заверил, что Д. И. Мушкетова в Дальстрое не было. Борис Никонович Ерофеев в 1967 г. заявил, что о пребывании Дмитрия Ивановича в системе Дальстроя ничего не знает. Евгений Константинович Устиев в 1967 г. сказал, что только слышал о пребывании Д. И. на Колы-

ме, но с ним там не встречался, поэтому ничего конкретного не знает. В 1967 г. Вера Александровна Варсанофьева констатировала: «Научная, общественная и педагогическая деятельность Дмитрия Ивановича прервалась в июне 1937 г.».

Случилось так, что в короткую хрущевскую оттепель, а затем и в так называемый период брежневского застоя в литературных публикациях о Д. И. Мушкетове ни словом не упоминалось о причине неожиданного раннего его ухода из жизни в годы расцвета творческих сил. В 60–80-е гг. в печати, обычно без каких-либо пояснений, писали о Д. И. Мушкетове так: «Он погиб в начале 1938 г.» [1, с. 146]. «В 1938 г. Дмитрий Иванович скончался» [2, с. 111]. «Д. И. Мушкетов умер в 1938 г., прожив яркую жизнь и внося большой вклад в развитие геологической науки, в познание геологического строения и полезных ископаемых страны, в воспитание молодых геологических кадров» [3, с. 114].

В действительности Д. И. Мушкетов был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 18 февраля 1938 г. к высшей мере наказания, и в тот же день приговор был приведен в исполнение. Родным, близким и ученикам Дмитрия Ивановича не суждено поклониться его могиле, ибо место захоронения неизвестно. Вплоть до 1990-х гг. не представлялось возможным выявить правду о последних пяти-семи годах жизни этого достойного гражданина России, так как тема незаконных репрессий оставалась, по существу, закрытой.

Установлено, что 8 декабря 1956 г. (через 18 лет после расстрела) Дмитрий Иванович Мушкетов был полностью реабилитирован. Обо всем этом в КОГИ пришло сообщение 31 мая 1962 г. от и. о. председателя Военной коллегии Верховного суда СССР, генерал-майора юстиции Д. Терехова. Спустя 30 лет удалось выяснить дополнительные факты о мотивах обвинения Д. И. Мушкетова. Из Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А. П. Карпинского (ВСЕГЕИ) в КОГИ поступили сведения, полученные из архива НКВД Ленинградской области: «Арестован 29 июня 1937 г. ... Обвинен в том, что в 1930 г. создал контрреволюционную фашистскую террористическую группу и совершал вредительские акты» [4, с. 100]. Комментарий к такому предлогу для необоснованного ареста излишни. Всю подноготную этого «опасного» в тоталитарном государстве «зубра» читатель узнает ниже.

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

Исп.вх. № 4163

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИССИИ ПО ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ИЗУЧЕННОСТИ СССР

ПРОФЕССОРУ ТИХОМИРОВУ В.В.

Москва, В-17, Пыжевский пер., 7

М А Я 1962 г.

На № 189/653-79 от 29/III-62г.

№ 44-22676/54.
Москва, ул. Воронского, д. 13

Профессор МУШКЕТОВ Дмитрий Иванович был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР 18 февраля 1938 года к расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение.

Проведенной в 1956 году проверкой установлено, что Дмитрий Иванович МУШКЕТОВ был осужден необоснованно, по сфальсифицированным материалам.

8 декабря 1956г. МУШКЕТОВ Д.И. посмертно полностью реабилитирован.

ПО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЮСТИЦИИ

(Д.ТЕРЕХОВ)

Дмитрий Иванович Мушкетов родился 19 марта (31 по н. с.) 1882 г. в Петербурге, в семье неслуживого рядового донского казака, действительного статского советника, выдающегося отечественного ученого, известного профессора Горного института Ивана Васильевича Мушкетова (1859–1902). Семья жила в служебном доме Горного института. Мать, Екатерина Павловна Мушкетова (урожденная Иосс), немка по национальности, в совершенстве владела несколькими иностранными языками и блестяще — русским, приложила все силы, чтобы воспитать сына и дать ему отличное начальное домашнее образование. Дима очень увлекался музыкой, прекрасно играл на виолончели, любил живопись, в совершенстве знал немецкий и французский, хорошо — английский, читал в подлинниках художественную литературу на этих языках. В 1891–1899 гг. обучался в Императорской историко-филологической гимназии, расположенной во дворце Меншикова на набережной Невы. Дмитрий рос вместе с братом Михаилом, который был моложе его на 4 года.

Братья увлекались описаниями путешествий, читали романы Майн Рида, Фенимора Купера, Жюль Верна. С детства Дмитрий был очень наблюдателен, отличался смелостью, твердым характером, самообладанием, мечтал стать моряком. После окончания гимназии он подготовился к сдаче экзаменов в Морское училище. Но дальтонизм не позволил его мечте осуществиться, и Дмитрий пошел в геологию, «по стопам отца». В 1899 г. он поступил в Горный институт. Окончив его по первому разряду в 1907 г. с правом на чин коллежского секретаря, Дмитрий Иванович тогда же «являлся к исполнению воинской повинности, но при освидетельствовании признан к военной службе неспособным, а потому от таковой освобожден навсегда, в чем ему и выдано Главным управлением Казачьих войск объявление от 21 февраля 1907 года за № 4557» [5, л. 2].

23 марта 1907 г. Д. И. Мушкетов был утвержден в звании горного инженера, 2 июня того же года «определен на службу по горному ведомству с зачислением по Главному горному управлению... и откомандированием в распоряжение директора Геологического комитета, для практических занятий (геологических исследований. — Ю. С.), без содержания от горного ведомства» [5, л. 2–3].

В 1907 г. у него с Ульяной Васильевной Мушкетовой (дочерью майора Козиненко) родилась дочь Галина. Была у Мушкетовых еще одна дочь, Марина, которая скончалась 31 августа 1920 г. после тяжелой болезни.

Его преподавательская работа в Горном институте, куда он был сначала зачислен внештатным ассистентом на кафедру геологии, проходила под руководством профессора К. И. Богдановича, академика Ф. Н. Чернышева, а также профессора А. А. Борисяка. 10 октября 1910 г. Дмитрий Иванович был назначен штатным ассистентом кафедры физической (общей) геологии. Наряду с безупречным выполнением основных обязанностей на кафедре, вплоть до 1915 г. он с энтузиазмом занимался формированием кабинета исторической геологии, который существовал и в более позднее время. По собственной инициативе Дмитрий Иванович подбирал материалы для создаваемого им отдела физической геологии в музее института, впервые организовал экскурсии для рабочих и сам проводил их.

Первые шаги на научном поприще Д. И. Мушкетов сделал еще в студенческие годы. Он участвовал тогда в полевых работах геологических партий Геологического комитета (Геолкома), проводивших в то время 10-верстную геологическую съемку во многих регионах России. В 1903 г. вышла из печати первая его публикация, написанная совместно с однокурсником Сергеем Андреевичем Конради [6]. В том же году Геолком издал и первую самостоятельную работу Д. И. Мушкетова по Якутии — «Краткое описание маршрута по реке Лене от с. Витима до г. Олек-

У. Мушкетова

Ульяна Васильевна Мушкетова
(урожденная Козиненко). Фотография
1926 г. Публикуется впервые

Г. Мушкетова

Дочь Д. И. Мушкетова — Галина.
Фотография 1926 г. Публикуется впервые

минска в 1903 г.», которое через шесть лет почти в неизменном виде вошло в специальный сборник [7]. В этой студенческой работе Д. И. Мушкетов сразу проявился как пытливый естествоиспытатель. По находкам брахиопод и трилобитов в известняках Патомской излучины он впервые установил силурийские отложения на реке Лене.

Еще студентом в 1906 г. под руководством Л. И. Лутугина Д. И. Мушкетов занимался выяснением взаимоотношений между палеогеновыми и меловыми образованиями Донецкого бассейна, пытался установить ярусы в нижнетретичных отложениях Придонецкого края. Ему принадлежит великолепное геолого-геоморфологическое описание района вдоль Сучанской железной дороги в Южно-Уссурийской области (Дальний Восток), где в 1908 г. им открыты ранее неизвестные угленосные площади и осуществлено стратиграфическое подразделение юрских отложений.

Д. И. Мушкетов изучал оледенение Алайского хребта на южном Тянь-Шане, оползни Сочинского района, разрушительные землетрясения, он занимался множеством других геологических проблем, как теоретических, так и практических. Однако главным образом его внимание было сфокусировано на геологическом и особенно тектоническом строении Туркестана.

По заданию Геолкома в 1909–1916 гг. Д. И. Мушкетов выполнял геологическое картирование территории Восточной Ферганы для составления геологической карты Средней Азии в масштабе 10 верст в дюйме. Во время полевых наблюдений Дмитрий Иванович систематизировал богатейший фактический материал по стратиграфии, сейсмичности, тектонике, геоморфологии, полезным ископаемым, публиковал полученные результаты в статьях и монографиях. С научными, практическими и организационными целями он выезжал в краткосрочные командировки: в 1909 г. в Южную Италию — для изучения последствий Мессинского землетрясения 1908 г.; в 1911 г. — в Западную Европу для сбора коллекций в кабинет исторической геологии; в 1914 г. — в западноевропейские страны для осмотра геологических музеев, а также на Алай и Памир для подготовки экскурсии XI Международного географического конгресса [5, л. 12].

В январе 1915 г. Мушкетов был назначен секретарем Императорского Русского географического общества. 22 марта 1915 г. надворного советника, горного инженера Дмитрия Мушкетова «Всемилоостивейше пожаловали Кавалером Императорского и Царского Ордена Святого Станислава третьей степени в воздаяние отлично-усердной и ревностной службы» под традиционным девизом — «награждаю и поощряю».

17 мая 1915 г. Д. И. Мушкетов представил на степень магистра геологии диссертационную работу «Чиль-Устун и Чиль-Майрам», посвященную геологическому строению, тектонике и геоморфологии небольшого участка между Алайским и Ферганским горными хребтами. В предварительном отзыве оппонентов К. И. Богдановича и А. А. Борисяка от 21 апреля 1915 г. подчеркивалось, что диссертация является образцом детальнейшего научного исследования, «написана ясным языком и читается с неослабным интересом от начала до конца» [5, л. 10]. После публичного прочтения двух пробных лекций Совет института утвердил Д. И. Мушкетова адъюнктом с правом самостоятельного чтения лекций по курсу «Физическая геология». В конце 1915 г. он был избран профессором кафедры общей геологии, а в 1918 г. — директором Горного института и почти одновременно — заведующим кафедрой и председателем комитета музея института. За восемь последующих лет музей под его руководством из обыкновенного хранилища превратился в дееспособное научно-просветительское учреждение.

В 20-е гг. Мушкетов возглавил Туркестанский отдел Комиссии по изучению естественных производительных сил страны (КЕПС).

Природный дар естествоиспытателя органически сочетался у Дмитрия Ивановича с несомненным талантом научного организатора, исключительными способностями педагога и воспитателя. Эти его качества подчеркивали не только отечественные геологи. В первые месяцы директорства Д. И. Мушкетов провел обсуждение и утверждение на Совете нового устава Горного института, создал ряд факультетов, основательно переработал учебные планы, добился получения новых помещений для студенческих общежитий. При этом сумел до 1926 г. опубликовать более 50 научных работ, в том числе несколько учебников и пособий для практических занятий.

Д. И. Мушкетов неоднократно и весьма тщательно перерабатывал двухтомный учебник «Физическая геология», впервые опубликованный в 1888–1891 гг. его отцом И. В. Мушкетовым. После смерти отца при каждом переиздании этого классического труда Дмитрий Иванович пополнял его новым фактическим материалом, включал целые главы. Именно поэтому учебник всегда соответствовал уровню знаний своего времени. Последнее — четвертое — издание уникального учебного руководства по геологии, заново подготовленное Дмитрием Ивановичем, вышло в свет в 1936 г. под именами отца и сына — И. В. и Д. И. Мушкетовых. Оно

содержит обширный отечественный и зарубежный материал, прекрасно иллюстрировано, изобилует данными справочного характера, отличается ясным изложением существовавших тогда представлений о строении Земли и тектонических гипотез. Многие геологи и сейчас предпочитают им пользоваться.

Оригинальны научные исследования Д. И. Мушкетова по сейсмологии, геоморфологии, четвертичному и современному оледенению, региональной тектонике. Полевые работы, проводившиеся в течение многих лет в различных районах огромной территории Средней Азии, позволили ему создать тектоническую схему Тянь-Шаня и Памиро-Алая, на которой он изобразил соотношение Памиро-Ферганского смятия с изгибом складчатых структур северной окраины Индостана [2].

Впервые выдвинув идею о влиянии жесткой глыбы Индостана на простирающиеся складки Памира, Мушкетов выделил три основные системы дуг: «тянь-шаниды» на севере (или собственно Тянь-Шань), отличающиеся развитием в убывающей степени каледонской-варисцидской-альпийской складчатости; «алаиды» в центре (или Алайская система), характеризующиеся развитием в возрастающей степени каледонской и варисцидской складчатости и широко проявленной, хотя и относительно слабой, альпийской складчатостью; «памиды» на юге (так называемые южные дуги), где в завуалированной форме проступают каледонская и варисцидская складчатости, заметно проявлена киммерийская и широко развита альпийская складчатость. В этом ветвящемся пучке складок северные и центральные дуги повернуты выпуклостью на юг, а южные дуги — на север. Обращенную на север выпуклость простирающихся Памира и надвигание последнего на Тянь-Шань Д. И. Мушкетов связывал непосредственно с давлением Пенджабского клина, расположенного на территории Индии. В результате возникли сбросы, сдвиги, надвиги, прогибы, поднятия и в конечном итоге — погружающаяся в западном направлении огромная среднеазиатская виргация складок. Давление Пенджабского клина обусловило, в частности, появление Ферганской депрессии и формирования одноименной горизонтальной флексуры.

Крупные и мелкие опускания — «депрессии» (Фергана, Алабуга, Иссык-Куль и др.), как считал Д. И. Мушкетов, являются «задавленными» частями складчатых образований, подмятыми на глубину. На земной поверхности геоморфологически это выражается по-разному. В пределах Восточной Ферганы наблюдается Ферганская горизонтальная флексура, сложенная рядом куполообразных дислоцированных структур, длинные оси которых в совокупности образуют, как он называл, «сигмоиду Ферганского хребта» в виде перемишки, соединяющей Алайский хребет с хребтами Тянь-Шаня. Поскольку складки и разломы в разновозрастных породах на каждом участке сохраняют свое простирающее, Д. И. Мушкетов считал логичным объяснить это унаследованным тектоническим развитием структур региона. Систематизированные данные по геологическому строению, тектоническому развитию и полезным ископаемым Средней Азии Д. И. Мушкетов представил в серии научных трудов. В обобщенном виде они содержатся в ряде статей и известных сводках [8–11].

В статье «О надвигах в Заалайском и Алайском хребтах» [12] он впервые выявил и рассмотрел характерные для этой территории структуры чешуйчатых надвигов. Рассуждения Д. И. Мушкетова о срезании тяньшаньских простирающихся памирскими, т. е. о существовании двух пересекающихся направлений складчатости в Средней Азии по-новому осмысливались во второй половине XX в. в связи с развитием представлений о поперечной зональности складчатых систем, а идея о гигантских перемещениях в латеральном направлении стала развиваться в нашей стране с конца 1960-х гг.

Огромная Ферганская флексура-сигмоида была расшифрована как крупный правый сдвиг. Д. И. Мушкетов, будучи прекрасно осведомленным по литературе во всех вопросах теоретической геологии, признавал уязвимость существовавших к середине 1930-х гг. геотектонических гипотез. Можно лишь догадываться о его симпатиях к теории мобилизма, хотя сам он по этому поводу не высказывал однозначных суждений.

Заметным событием в истории геологической науки следует назвать появление в 1935 г. книги Д. И. Мушкетова «Региональная геотектоника» [13] — первого в СССР фундаментального труда по тектонике земного шара, в котором сделана попытка свести воедино имеющийся фактический материал по всем странам. В нем подробно рассмотрена протяженная зона альпийской складчатости в Средней Азии и Европе, в меньшей степени освещены Северная и Южная Америка, Антарктида, Австралия и Африка. Новым и очень важным в этой сводке является публикация сведений, касающихся тектоники океанов, что позволило Дмитрию Ивановичу дать картину строения всей планеты полнее. Это обстоятельство сделало упомянутый труд более законченным в сравнении с монументальными сводками 1920-х гг. австрийского геолога Леопольда Кобера [14; 15] и швейцарского геолога Рудольфа Штауба [16; 17], которые в те годы особенно привлекали внимание тектонистов. Индекс цитирования названной монографии Д. И. Мушкетова и в наши дни очень высок.

Д. И. Мушкетов стал ректором Горного института в возрасте тридцати шести лет и занимал этот высокий пост в течение девяти лет. К этому времени завоеванный им научный авторитет был весьма высок, как на родине, так и за ее пределами. Не случайно в 1926 г. Д. И. Мушкетова назначили директором Геологического комитета, доверив ему руководство государственной геологической службой Советского Союза. Организаторский талант его проявился здесь в полную силу. Возглавляя Геолком с 1926 г. по 1929 г., Д. И. Мушкетов смог умело и четко организовать и наладить работу коллективов, занимавшихся геологической съемкой территории СССР, составлением карт. В эти годы энергично велась геологическая разведка, открывались крупные месторождения полезных ископаемых, страна обеспечивалась необходимым для народного хозяйства минеральным сырьем. За трехлетний период руководства Геолкомом Дмитрий Иванович сумел рационально сблизить интересы теоретических исследований с запросами геологической практики [18]. В качестве председателя организационного комитета он отлично подготовил и силами Геолкома провел в 1928 г. III Всесоюзный геологический съезд в Ташкенте. По всем экскурсиям были изданы путеводители, а доклады опубликованы в трудах съезда.

С 1930 г. основная работа Д. И. Мушкетова вновь сосредоточилась в Горном институте, где он первое время заведовал кафедрой общей геологии и одновременно был директором Горного музея института. В январе 1931 г. Президиум АН СССР утвердил Д. И. Мушкетова заведующим геологическим отделом Сейсмологического института АН СССР. Чуть ранее, весной 1930 г., первый директор Геологического института АН СССР академик В. А. Обручев пригласил Д. И. Мушкетова работать в институт [19]. Здесь он с декабря 1931 г. стал первым председателем созданного по инициативе сотрудников научного кружка, заседания которого проводились ежемесячно по утвержденным планам. В феврале 1933 г. Д. И. Мушкетов был назначен заведующим отделом тектоники и геоморфологии в ГИН, где подготовил и опубликовал 14 статей по различным тектоническим проблемам. Напомним, что при Горном институте в 1924 г. Дмитрием Ивановичем был создан Институт прикладной геофизики, директором которого он был последующие

шесть лет. Многих специалистов и сейчас привлекают его исследования по сейсмо-тектонике и сейсмическому районированию территории СССР [20]. В основе сейсмической активности разных районов страны, по его убеждению, лежат геотектонические особенности регионов и новейшие тектонические движения земной коры.

Очень поучительны взаимоотношения Д. И. Мушкетова с коллегами по службе. Е. В. Павловский и С. С. Шульц — сотрудники Геологического института АН СССР — вспоминали:

С нами, своими молодыми коллегами, Дмитрий Иванович держался очень просто и буквально всем своим существом импонировал нам — и своим авторитетом, и одним обликом своим, к которому как нельзя более подходит определение импозантный. Даже то, как он входил в отдел, было зрелищем впечатляющим. В определенные дни недели, бывая в отделе, Дмитрий Иванович знакомил нас с новейшей литературой, новыми идеями в области тектоники, охотно делился своими знаниями, стремился всемерно помогать нам. Мы же должны были отчитаться в том, что нами сделано. И готовились к этому с особой тщательностью — уровень культуры и знаний Дмитрия Ивановича иного не позволял [2, с. 110].

Д. В. Наливкин, делясь своими впечатлениями о Дмитрии Ивановиче, подчеркивал, что он достойно продолжил эстафету своего отца Ивана Васильевича Мушкетова — выдающегося исследователя Средней Азии, крупного прогрессивного деятеля России. Общественно-научная деятельность Дмитрия Ивановича Мушкетова поражала своей продуктивностью и разнообразием. Д. В. Наливкин вспоминал:

Его выступления были всегда интересными и полезными благодаря его широкой эрудиции. За рубежом он был известен и популярен. Прекрасное знание немецкого языка, свободное владение французским и английским помогали ему в общении за границей, а выступления там во многом способствовали повышению престижа советской геологии [3, с. 114].

В 1967 г. В. А. Варсанофьева, вспоминая о частых встречах с Дмитрием Ивановичем, рассказывала:

В обществе он был на редкость интересным собеседником. Ярко, с тонким юмором он рассказывал о впечатлениях, полученных во время многочисленных геологических экспедиций в Среднюю Азию и поездок по многим странам мира. Разносторонне образованный человек, он всегда следил за новинками советской и зарубежной художественной литературы, читал в подлинниках немецкие, французские и английские научные публикации. Многочисленные встречи с разнообразными людьми, картины природы, особенности геологических объектов, характеристики подмеченных им национальных черт того или другого народа с особенностями их быта — обо всем этом он рассказывал образно, ярко, и рассказы его запомнились всем, кто слушал.

В 1982 г. 100-летие со дня рождения Д. И. Мушкетова не отмечалось. В апреле 1985 г. О. С. Вялов, рассказывая мне об этом крупнейшем ученом, выдающемся организаторе и педагоге, заметил:

При жизни о Д. И. Мушкетове ничего не было написано. Потом, через какое-то время на кафедре, которой он заведовал несколько десятилетий тому назад, был повешен его портрет, а на письменном столе появилась табличка с надписью, что за этим столом сидел и работал профессор Д. И. Мушкетов.

О. С. Вялов был знаком с Д. И. Мушкетовым по Геологическому комитету, в 1931–1932 гг. работал его ассистентом в Горном институте по курсу региональной тектоники. Вспоминая о Дмитриии Ивановиче, О. С. Вялов говорил:

Мне очень хотелось сделать хоть что-нибудь для того, чтобы память о нем не заглохла, чтобы попытаться показать, какой он был изумительный человек, ученый и великий патриот своей Родины.

О. С. Вялов вспомнил о докладе, прочитанном Д. И. Мушкетовым после возвращения из Претории, где в 1929 г. проходила XV сессия Международного геологического конгресса. Большой зал института, включая хоры, был переполнен. Доклад иллюстрировался многочисленными диапозитивами. Дмитрий Иванович незабываемо описал экскурсию в район алмазных воронок:

Экскурсанты ехали на поезде и из окон вагонов могли видеть и львов, и других животных. Сойдя на маленькой станции, они двигались дальше пешком среди высокотравья и обратили внимание на узкие, длинные, прямые коридоры-тропинки в этом высокотравье. Руководители экскурсии объяснили, что это «тропы», проложенные удавами и ведущие к алмазным воронкам, куда удавы заползают в самое жаркое время — там прохладнее. Когда дошли до воронок и было предложено спуститься вниз для их осмотра — охотников на это не нашлось.

О. С. Вялов рассказывал:

Дмитрий Иванович всегда был ровным в обращении, ни разу я не слышал, чтобы он повысил голос, сам не делал никаких выговоров, а если чем-нибудь был недоволен, передавал это через лаборантку... Дмитрий Иванович как-то сказал, что находится в переписке чуть ли не со 100 геологами мира, получает огромное количество отписок, находится в курсе всех новостей по региональной тектонике, которые включаются в очередные лекции... В 1932 г. Д. И. Мушкетову исполнилось 50 лет. Этот юбилей крупнейшего и известного во всем мире русского ученого, бывшего директора Горного института и Геологического комитета не отмечался ни в одном учреждении, с которыми он был связан. Только мы, сотрудники его кафедры, попросили его вечером прийти на кафедру. Был скромный чай с тортом, но Дмитрий Иванович был растроган и с благодарностью, но и с оттенком грусти подчеркнул, что только его кафедра вспомнила и отметила этот день.

Невольно складывается впечатление, что к началу 1930-х гг. у Д. И. Мушкетова имелось немало недоброжелателей; наверное, были и клеветники. Самим своим существованием он мешал завистникам. Кому-то Дмитрий Иванович уже в то время был неугоден. Подтверждается это весьма формальным, не соответствующим действительным заслугам ученого, приказом по Горному институту за № 130 от 2 июня 1932 г. (через два месяца после юбилейной даты): «Ввиду исполнившегося 25-летия научно-педагогической и производственной деятельности профессора Д. И. Мушкетова отмечаю его полезную работу, как в области научной разработки геологии в разрезе проблемы социалистического строительства, так и в деле подготовки квалифицированных кадров. В частности, отмечаю заслуги по развитию, расширению и улучшению Горного музея, являющегося не только мощной научно-учебной базой, но и органом техпропаганды для широких рабочих масс. Директор Волин» [21].

Дмитрий Иванович никогда не старался делать что-либо в угоду чиновникам, вплоть до верхних эшелонов государственной власти. Его докладные записки не-

редко были нелицеприятны, но всегда очень аргументированны. Одной из наиболее ярких иллюстраций этого может служить направленная 26 декабря 1932 г. профессором Д. И. Мушкетовым директору Ленинградского горного института докладная записка:

Еще раз считаю своим долгом обратить Ваше внимание на крайне ненормальное положение ряда важных вопросов в жизни Горного института, дальнейшее наличие которых грозит серьезно помешать осуществлению исторического решения ЦИК, если не сорвать его совсем.

1. Несмотря на большое количество всяких комиссий, разбивавших учебные планы и программы, работа идет не по ним, а по усмотрению заведующих специальностями, вносящих хаос и абсолютно не считающихся с кафедрами: «нанимают» профессоров по личным вкусам, меняют названия, содержание и последовательность предметов и т. п. Особенно отличается разведочная специальность, а за ней гидрогеологическая.

2. Как в этих, так и в других вопросах авторитет кафедр не только не поднят, как требовал ЦИК, но иногда снижается еще. Этому содействует и хозяйская, решающая все расходы (по существу учебные) сама и не дающая кафедрам никакой хозяйской самостоятельности. Это абсурд.

3. Вопрос с ассистентами не урегулирован, а равно с аспирантами, кандидатов в которые кафедрам еще не дано предлагать, вопреки указанию ЦИК.

4. Проводится неверная политика перегрузки профессоры и доцентуры часами, вызывающая понижение качества, что отмечено и студентами.

5. Не создаются условия для действительного руководства кафедрами их заведующими, и совершенно продолжает отсутствовать научная работа кафедр Института в целом, на что много указывал.

6. Почти прекращается пополнение библиотеки.

7. Способы проверки знаний, не выработанные осенью, неясны и грозят или превратиться в фиктивные зачеты, которым объявлена война, или катастрофой 80% студентов. Скорее первое, так как профессуре уже заботливо дано предостережение, что второй исход будет отнесен к дефекту не столько студентов, сколько кафедр, «не сумевших подойти». Результат ясен — формально все будет отлично, а по существу брак продукции на 80–90%. Вряд ли это преследовал ЦИК, и вряд ли ЛГИ с этим багажом сможет претендовать на конкурс.

8. Коллективная культура в Ин-те никак не может наладиться, и обстановка просто недопустима, даже с точки зрения проводимого сейчас «месячника санитарии». Не ВТУЗ, а проходной двор, и с завистью смотрим на казармы.

9. Продолжается отрицательное отношение к Музею, которое можно объяснить лишь персональной политикой некоторых администраторов, но которое в угоду им все же нельзя допускать, так как Музей — это единственная фактическая ценность у нас. Надо его дорожить, на ее базе создавать наивозможную для других ВУЗов исследовательскую работу, понимать, что это научное учреждение, а не объект для всяческого канцелярского и завхозного ущемления.

10. Все перечисленные (и масса других) причины не только не содействуют привлечению новых солидных научных сил или закреплению прежних, но все больше отваживают их от Ин-та, который может остаться при массе гастролеров, им не дорожащих, и без коренных работников.

11. Для выяснения всех таких болячек необходимо изредка делать совещания у Вас заведующих основными кафедрами, чисто деловые. Большие парадные собрания этому не помогут, а иногда еще лишь отпугивают, судя по тому, что на них бывает 5–10% преподавательского персонала.

12. Совершенный самообман думать, что вся беда лишь в том, что профессура никак не может овладеть какими-то магическими (никому не известными, непрерывно меняющимися) методами преподавания, от коих все качества. Если бы это было так, то просто ведь всю ее заменить более годной. В этом отношении влияет сложный комплекс других причин, частью указанных [5, л. 34].

Научный авторитет Д. И. Мушкетова был очень высоким. В первые два десятилетия после октябрьского переворота лишь немногие советские геологи могли выезжать за границу. Их научные достижения, публиковавшиеся на русском языке, оставались почти неизвестными иностранным коллегам. В пропаганде советской геологической науки, в ознакомлении зарубежных ученых с новостями региональной геологии в Советском Союзе, и особенно с вопросами тектонического строения, теоретической геологии, основная роль, очевидно, принадлежала Д. И. Мушкетову. Летом 1930 г. он по персональному приглашению Французского геологического общества участвовал в торжествах по случаю 100-летия этого старейшего в мире научного геологического общества, где выступил с заказным докладом о достижениях геологической науки в СССР.

Среди зарубежных геологов, минералогов, палеонтологов и петрографов несомненной известностью пользовались бывавшие за границей А. П. Карпинский, В. И. Вернадский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, А. А. Борисяк, А. Е. Ферсман, А. Н. Заварицкий, А. П. Павлов, М. В. Павлова, В. А. Обручев. Наряду с этими знаменитыми отечественными учеными Д. И. Мушкетов, очень часто бывая за рубежом и знакомясь каждый раз с новыми иностранными учеными, сделался одним из наиболее известных представителей советской геологии.

В архивном фонде Мушкетовых хранятся материалы с такими заголовками: «Некоторые впечатления о путешествии в Германию, Францию и Италию в 1926 г.» [22]; «Отчет о командировке в США в 1927 г.» [23]; «Материалы о научной командировке в Германию и Данию в 1928 г.» [24]; «Отчет о заграничной командировке летом 1930 г. в Германию, Францию, Италию и Бельгию» [25]; «Материалы о командировках в Прусское геологическое общество (Берлин), в комиссию по международной карте Европы 1923–1936 гг.» [26]; «Материалы о командировке в Финляндию на международный съезд Ассоциации по изучению докембрия 1931 г.» [27]. С середины 1920-х до 1936 г. Д. И. почти каждый год выезжал за границу. Дело заключалось не в его чине: приглашали выдающегося ученого, который был нужен мировому сообществу геологов. Во время научных командировок он читал лекции, выступал с докладами и краткими сообщениями, проводил консультации по разным вопросам геологии, гляциологии, сейсмотектоники сейсмоопасных районов земного шара. Его ученики и сослуживцы часто говорили о Дмитрии Ивановиче как ярком представителе русской интеллигенции, личности разносторонних интересов и дарований.

Е. В. Павловский и С. С. Шульц работали под руководством профессора Мушкетова в начале 1930-х гг. в Геологическом институте АН СССР. Они говорили, что он был остроумным, обаятельным собеседником, охотно делившимся своими обширными знаниями, порядочным человеком, всегда старавшимся достойно представлять Россию за рубежом. Они вспомнили с юмором рассказанный Д. И. Мушкетовым курьезный эпизод, который произошел с ним во время поездки по Испании:

По окончании Международного конгресса в Мадриде Дмитрий Иванович решил проехать по стране, познакомиться с Месетой и осмотреть разрезы, а потом из Барселоны пароходом отправиться во Францию. По пути следования он остано-

Директор Геологического комитета Д. И. Мушкетов (в центре) — делегат от Геолкома на XV сессии Международного геологического конгресса (Претория, 1929 г.)

вился в гостинице небольшого городка. И вечером к нему пожаловал мэр. «Хозяин города», прослышав, что у них остановился знаменитый русский сейсмолог, интересовался, может ли произойти землетрясение. — Может, почему же нет? — А в ближайшее время может? — Может и в ближайшее время. — И завтра может? — Может и завтра.

Выпив по стакану малаги, они расстались друзьями.

Прибыв в Барселону, Дмитрий Иванович занял заранее заказанную каюту 1-го класса и, расположившись в ней, стал приводить в порядок свои записи. Вдруг приходит капитан парохода и просит его перейти в другую каюту... 2-го класса. — Почему? Никуда я не пойду! — Ну, может быть, сеньор согласится обедать в кают-компании 2-го класса? — Но почему? — Видите ли, фирма у нас небольшая, а сейчас приехали американцы и хотели занять все каюты 1-го класса, но, узнав, что одна уже занята, заявили, что намерены обедать своей компанией, а присутствие посторонних, тем более советских, им нежелательно. Возмущившись, Дмитрий Иванович выставил капитана, сказав, что обедать будет в 1-м классе.

Через некоторое время капитан вновь явился к Дмитрию Ивановичу и сказал, что его спрашивает офицер национальной гвардии. Выйдя на палубу (не без вол-

нения), Дмитрий Иванович увидел блестящего офицера. А на пристани были выстроены восемь национальных гвардейцев с винтовками у ноги. Что-то будет?! Но офицер вытащил шпагу и отсалютовал ею, а гвардейцы взяли ружья «на караул».

Протянув благодарственную грамоту, офицер рассказал, что после отъезда Дмитрия Ивановича из города, где он останавливался, мэр немедленно удалил все население. И действительно, на следующий день произошло землетрясение. У них в Испании нет таких исключительных ученых. Слава и благодарность!

Позже капитан парохода долго извинялся. Американцы, узнав, что едет такой знаменитый ученый, приглашали его отобедать с ними. Но Дмитрий Иванович попросил подать ему обед... в каюту! [2, с. 110–111].

Д. И. Мушкетов до 1932 г. совершил 14 научных поездок за рубеж: во все страны Западной Европы (несколько раз — в Германию), в Северную Америку, Южную Африку, Китай, Японию.

За годы научной, педагогической и научно-организационной деятельности Д. И. Мушкетов опубликовал 124 работы, включая пять учебников, часть из которых переиздавалась по два–три раза. Большинство его трудов были одинаково широко известны как отечественным геологам, так и зарубежным, тем более что многие его статьи публиковались в иностранных изданиях. Всеобщее признание и популярность Д. И. Мушкетова как выдающегося ученого выразились в избрании его членом Минералогического общества (в 1906 г.), Географического общества (в 1914 г.), Московского общества испытателей природы, почетным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (в 1928 г.). В разное время, начиная с 1923 г., он был избран: членом французского, лондонского, бельгийского и китайского геологических обществ; членом германского и северо-американского географических обществ, общества горных инженеров США. В 1934 г. Американский институт горных инженеров избрал его членом геофизического комитета, а несколько раньше Баварская академия наук в Германии (Академия «Леопольдина» в Галле-Заале) единогласно избрала его своим действительным членом.

По представлению Ленинградского горного института 23 января 1936 г. Дмитрию Ивановичу, в числе немногих геологов страны, была присуждена ученая степень доктора геолого-минералогических наук без публичной защиты диссертации, а 29 февраля 1936 г. он был избран почетным членом Узбекстанского географического общества в Ташкенте. Активно участвуя в деятельности Всесоюзного минералогического общества и Московского общества испытателей природы, наибольший объем работы он все же выполнял во Всесоюзном географическом обществе, где был секретарем, а ряд лет — председателем Отделения физической географии и председателем Гляциологической комиссии.

Д. И. Мушкетов в качестве делегата участвовал в работе трех сессий Международного геологического конгресса (МГК), которые собирались после первой мировой войны (XIII сессия в Бельгии, 1922 г.; XIV сессия в Испании, 1926 г.; XV сессия в Южной Африке, 1929 г.). Однако на XVI сессию, состоявшуюся в 1933 г. в США, он не был командирован по более чем странному обстоятельству. Хотя в персональном приглашении Оргкомитета подчеркивалось, что присутствие Д. И. Мушкетова как председателя Комитета по тектонике и председателя Комиссии по присуждению премии им. Л. А. Спендиарова крайне необходимо.

После завершения работы XVI сессии МГК Дмитрий Иванович получил от Генерального секретаря этой сессии доктора Менденхолла письмо, датированное 8 ноября 1933 г., с уведомлением о том, что присланные им доклады «Современные представления о тектонике Средней Азии» и «Опыт сейсмического райониро-

вания СССР» приняты к печати в трудах Конгресса. Сообщалось также, что 27 июля 1933 г. на XVI сессии МГК Д. И. Мушкетов заочно был единодушно избран председателем Комитета по разломам земной коры. В письме подчеркивалась особая роль профессора Д. И. Мушкетова при решении вопроса о месте проведения очередной XVII сессии МГК. Менденхолл писал: «На конгрессе о Вас спрашивались Ваши друзья и коллеги как здешние, так и из других стран, и выражалось всеобщее сожаление по поводу Вашего отсутствия. Основная работа, проделанная Вами в Южной Африке, являлась, без сомнения, главной причиной избрания СССР местом созыва XVII Конгресса. Благодаря Вашей работе в Претории и заслуженному высокому научному авторитету, которым Вы пользуетесь, другие страны ясно почувствовали, что Вы установили за СССР преимущественное право созыва XVII Конгресса, и когда приглашение, сделанное XV сессией было повторено на XVI, другим странам было понятно, что им не следует выступать с конкурирующими предложениями» [28].

Напомним, что Совет Народных Комиссаров 15 февраля 1927 г. пунктом 33 протокола № 203 принял постановление о желательности проведения XVI сессии МГК в Советском Союзе, связав очередную сессию конгресса с исполняющимся в 1932 г. полувековым юбилеем Геолкома. Вслед за этим решением директору Геологического комитета Д. И. Мушкетову было направлено следующее отношение: «ВСНХ СССР поручает Вам озаботиться своевременной разработкой и проведением необходимых мероприятий для организации предстоящего в 1933 г. Интернационального геологического конгресса на территории Союза ССР в связи с 50-летним юбилеем Геологического комитета... на Вас возлагается ведение переговоров с заинтересованными учреждениями СССР и других стран» [29]. Возглавляя делегацию советских геологов на XV сессии Международного геологического конгресса в 1929 г. в Претории, Дмитрий Иванович энергично взялся за подготовку к проведению XVI сессии Конгресса в нашей стране, о чем свидетельствуют копии его писем и ответы на них различных геологических учреждений и геологов из-за границы.

Почему же случилось так, что Дмитрий Иванович не смог поехать на XVI сессию Международного геологического конгресса? Многие проясняется из документов, содержащихся в фонде Мушкетовых [30; 31], где имеются постановления различных учреждений, включая Президиум АН СССР, о командировании Д. И. Мушкетова в США, переписка по поводу виз, маршрута, загранпаспорта, состава делегации, в которую был включен Дмитрий Иванович и, наконец, формальное уведомление об отмене командировки.

Из личных писем Д. И. Мушкетова на имя В. М. Молотова от 15 и 23 июня 1933 г. [31] нетрудно сделать вывод, что первое отстранение от поездки произошло в начале мая 1933 г. с выдвижением по меньшей мере смехотворной причины, а именно: США — страна глубоко практичная, ей «академики не нужны», нужна лишь демонстрация наших богатств. Академия наук СССР опротестовала это совсем неубедительное и неверное мнение, четко аргументировав необходимость поездки Д. И. Мушкетова. В результате в мае же было новое постановление Ученого комитета ЦИК СССР о командировании Д. И. Мушкетова на конгресс. Несмотря на это, за сутки до выезда вновь появляется постановление, отменяющее его командировку. На этот раз с подачи более чем недоброжелательных лиц появилась другая, нелепая и явно надуманная по своей аргументации «причина», окончательно сорвавшая поездку Д. И. Мушкетова на XVI сессию МГК.

«Кто-то вынудил тов. Орджоникидзе (лично меня не знающему), — писал Дмитрий Иванович В. М. Молотову, — что все спасение золотопромышленности

в том, чтобы поставить меня во главе разведок золота» [31]. Заметим, во-первых, что двухнедельная командировка любого ученого не может сколько-нибудь серьезно повлиять на развитие геологической разведки вообще и золотой промышленности в частности. Во-вторых, геологам, действительно знающим круг научных и практических интересов Д. И. Мушкетова, было известно, что никакого прямого отношения к организации геолого-разведочных работ на благородные металлы он никогда не имел, за исключением, пожалуй, лишь одной его небольшой статьи «О жильном золоте в Туркестане», опубликованной в 1915 г. в «Геологическом вестнике» (т. 1, № 1). Поэтому, конечно, верхом нецелесообразности было бы его назначение на пост руководителя разведок на золото.

В тексте письма Дмитрия Ивановича на имя В. М. Молотова имеется, как нам представляется, очень важная, пожалуй, ключевая фраза:

Это лучше всех известно И. Губкину, который... должен был сразу разъяснить тов. Орджоникидзе и тов. Пятакову всю неправильность этой мысли, но вместо того просто прислал мне телеграмму об отмене моей поездки, а сам уехал, не зная даже тех дел, которые остались на моих руках... Я принужден или оказаться шарлатаном, или невольным вредителем, или невыполнителем распоряжения наркома [31].

Почти одновременно с этим письмом Д. И. Мушкетова Академия наук СССР отправляла срочные телеграммы на имя В. М. Молотова и Г. К. Орджоникидзе, а президент АН СССР академик А. П. Карпинский написал личные письма И. В. Сталину и Г. К. Орджоникидзе. Тем не менее поездка Д. И. Мушкетова в США на XVI сессию Международного геологического конгресса не состоялась. Само собой разумеется, не произошло и назначения его главой разведок золота и союзной золотопромышленности.

Абсолютно ясно, что кому-то были очень нужны любые фиктивные причины с единственной целью задержать и затем сорвать командировку Д. И. Мушкетова. Когда, казалось бы, уже все было готово (выдан загранпаспорт, официально уведомлен вашингтонский Оргкомитет Конгресса и ряд представителей других стран), была осуществлена непристойная акция с точным расчетом, что времени на положительное рассмотрение личного протеста и протеста Академии наук СССР практически уже не останется.

Руководителем делегации советских геологов на вашингтонскую сессию МГК был назначен в 1933 г. не Д. И. Мушкетов, а другой человек, пользовавшийся тогда авторитетом в высших эшелонах власти и, следовательно, огромным влиянием в геологических учреждениях страны, но очень мало именно в те годы известный в кругах зарубежной геологической общественности. На фоне популярности Д. И. Мушкетова за границей он выглядел бы, естественно, непривлекательно. В присутствии Дмитрия Ивановича, свободно владевшего немецким, французским и английским, ему было бы, конечно, не по себе. Но ведь нужно было во что бы то ни стало быть или пытаться быть первым лицом в делегации советских геологов! Итак, создать непреодолимую помеху для поездки Д. И. Мушкетова было для него делом первостепенным.

Огромным ударом по престижу отечественной науки явилось отсутствие Дмитрия Ивановича Мушкетова летом 1937 г. на XVII сессии МГК в Москве, где председательствовал вице-президент АН СССР академик И. М. Губкин, возглавлявший делегацию советских геологов на предыдущей, вашингтонской, сессии. Неудивительно, что в этот раз желание избавиться от присутствия Д. И. Мушкетова уже на XVII сессии МГК совпало с тщательно подготовленным делом на «врага народа».

Письмо Д. И. Мушкетова на имя председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова вольно или невольно наводит на мысль о том, что не без попустительства И. М. Губкина заранее готовилось дело на выдающегося геолога нашей страны. В этом отношении очень убедительно звучат воспоминания В. В. Белоусова того времени:

В страшные тридцатые годы, когда каждый советский гражданин был готов к тому, что вот-вот над ним разразится гроза и он просто исчезнет в недрах Гулага или получит пулю в затылок в подвалах Чека, Иван Михайлович Губкин был грозой для геологов, особенно тех, кто занимался нефтью. Он постоянно искал вокруг себя вредителей, выступал с пугающими обвинительными речами и, если кого-либо он считал не таким, как нужно, автор этих идей, да и его ближайшие коллеги попадали в опалу, и их карьере мог прийти конец. Могло быть и хуже [32, с. 254].

Именно это и произошло с Д. И. Мушкетовым. Один из крупнейших и авторитетнейших ученых мирового геологического сообщества был арестован органами НКВД Ленинградской области за 23 дня до начала работы московской сессии конгресса. Поводом для ареста послужила чудовищная клевета. К делу Д. И. Мушкетова вполне могли пристегнуть еще и такие факты: мать-немка, сам обвиняемый из потомственных донских казаков, традицией которых было верное служение Родине, а дочь Галина, ездившая с ним в 1926 г. в Испанию, вышла там замуж.

Можно только предполагать, как отвечали приезжавшим на XVII сессию Международного геологического конгресса иностранным геологам на вопрос: а где же профессор Мушкетов? Они не знали о его аресте. А уже после завершения работы московской сессии МГК в Ленинградском горном институте за № 177/лс, § 6 от 23 сентября 1937 г. был издан приказ: «Считать уволенным Директора Горного музея Мушкетова Д. И. с 29 августа 1937 г., как находящегося под арестом свыше 2-х месяцев. Зам. директора А. Герман» [5, л. 52].

После доклада «О культе личности и его последствиях», сделанного Н. С. Хрущевым 25 февраля 1956 г. на XX съезде КПСС, начался пересмотр дел безвинно осужденных и расстрелянных граждан. В числе таких жертв оказался Д. И. Мушкетов.

Более 60 лет прошло со времени смерти Дмитрия Ивановича Мушкетова. Ему было 55 лет. До последнего часа своей жизни он оставался сильной личностью, смелым и принципиальным человеком, гражданином России. Такие люди не должны предаваться забвению.

Литература

1. Ковалевский С. А., Наливкин Д. В. Геологи Горного института — участники Подмосковной экскурсии // Очерки по истории геологических знаний. М., 1971. Вып. 13. С. 144–148.
2. Павловский Е. В., Шульц С. С. Дмитрий Иванович Мушкетов (1882–1938) // Выдающиеся ученые Геологического комитета — ВСЕГЕИ. Л., 1984. С. 99–111.
3. Наливкин Д. В. Воспоминания о Дмитрии Ивановиче Мушкетове // Выдающиеся ученые Геологического комитета — ВСЕГЕИ. Л., 1984. С. 112–114.
4. Репрессированные геологи (Биографические материалы). СПб., 1992.
5. Профессор Дмитрий Иванович Мушкетов. Личное дело (копии документов из архива Ленинградского горного института, на 52 л.). Хранится в отделе истории геологии Гос. геологического музея им. В. И. Вернадского (Москва).

6. *Мушкетов Д. И., Коиради С. Л.* Заметка о северном склоне Шах-дага // *Землеведение*. 1903. Т. X. Кн. I. С. 34–53.
7. *Мушкетов Д. И.* Краткое предварительное описание маршрута по р. Лене от с. Витима до г. Олекминска в 1903 г. // *Геологические исследования в золотоносных областях Сибири*. Ленский золотоносный район. Вып. 4. СПб., 1909. С. 75–89.
8. *Мушкетов Д. И.* Современные тектонические воззрения, в связи с геологией Средней Азии // *Изв. Геол. ком.* Т. 45. 1926. № 1. С. 9–29.
9. *Мушкетов Д. И.* Геологический очерк Туркестана. Л., 1926.
10. *Мушкетов Д. И.* Геологическая карта Средней Азии. Листы VI-7 и VII-7 (Восточная Фергана). Масштаб 420 000. Ч. 2. Описание // *Труды Геол. ком.* Новая серия. 1928. Вып. 169.
11. *Мушкетов Д. И.* Тектоника Средней Азии. Ташкент, 1936.
12. *Мушкетов Д. И.* О надвигах в Заалайском и Алайском хребтах // *Вестник Геол. ком.* Т. 2. 1927. № 7. С. 9–11.
13. *Мушкетов Д. И.* Региональная геотектоника. Л.-М., 1935.
14. *Kober L.* Der Bau der Erde. Berlin, 1921.
15. *Kober L.* Der Bau der Erde. Eine Einführung in die Geotektonik. 2-te Auflage. Berlin, 1928.
16. *Staub R.* Der Bau der Alpen, Versuch einer Synthese. — Beiträge zur geologieschen Karte der Schweiz. Neue Folge, Lief. 52. Bern, 1924.
17. *Staub R.* Der Bewegungsmechanismus der Erde dargelegt am Bauder irdischen Gebirgssysteme. Berlin, 1928.
18. *Мушкетов Д. И.* Задачи и организация Всесоюзного Геологического комитета. Речь директора Геологического комитета на открытом годовом заседании научного совета Геологического комитета 30 января 1927 г. // *Изв. Геол. ком.* 1927. Т. 46. № I. С. 5–10.
19. *Тихомиров В. В., Соловьев Ю. Я., Панютина Л. Б. и др.* История Геологического института АН СССР: Развитие института, его научные школы и библиография трудов. М., 1980.
20. *Мушкетов Д. И.* Опыт сейсмического районирования СССР // *Материалы по сейсмо-тектонике*. Т. I. М., 1933. С. 1–17.
21. Государственная публичная библиотека (Санкт-Петербург; далее — ГПБ). Ф. 503 (И. В. и Д. И. Мушкетовы). Д. 494.
22. ГПБ. Ф. 503. Д. 593.
23. ГПБ. Ф. 503. Д. 600.
24. ГПБ. Ф. 503. Д. 604, 605.
25. ГПБ. Ф. 503. Д. 594.
26. ГПБ. Ф. 503. Д. 628.
27. ГПБ. Ф. 503. Д. 637.
28. ГПБ. Ф. 503. Д. 127.
29. ГПБ. Ф. 503. Д. 622.
30. ГПБ. Ф. 503. Д. 620.
31. ГПБ. Ф. 503. Д. 646.
32. Владимир Владимирович Белоусов. М., 1999.